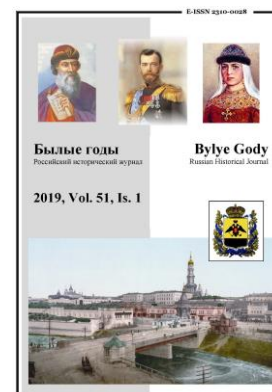

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 366-379. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.366
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Siberian Students' Material Situation in the early 20th century (based on Student Questionnaires)

Oksana V. Ishchenko ^a, Timur A. Magsumov ^{b, c, d, *}

^a Surgut State University, Surgut, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of student questionnaires conducted in the universities of Tomsk in 1901-1913. The authors analyze the changes of material and social status of Siberian students in the early 20th century. The study revealed that the students' living standard was largely determined by their parents' welfare status. At the same time, the fact of belonging to a certain social class did not play the main role as it failed to determine the family's social status or well-being. Therefore, the offsprings of burghers at the Tomsk Technological Institute were often better off than the children of nobles and clergy at the Tomsk University.

The authors studied the materials of student questionnaires and identified the main sources of the student's budget, which included money received from the family, financial assistance from the state and/or philanthropists as well as personal earnings. Tuition fees are believed to have been the biggest item of the student's expenses along with rent and money spent on food. To have a relatively decent way of living, an average student was supposed to spend at least 300-350 rubles, but many students were below that income level. Therefore, all the students can be divided into low-income, middle-class and upper-class groups, the first and second group being much larger in number.

Analysis of student profiles showed a slight increase in students' material security and improving their living conditions. This was especially true for students of technical universities, because their knowledge and skills were in demand for the industrial development of the Siberian region. However, a relatively slow increase in living standards and short duration of the stabilization period prevented a significant share of poor students from improving their material situation.

Keywords: history of education; students; Russian Empire; Siberia; student questionnaires; Tomsk University; Tomsk Technological Institute; material and living conditions; student budget.

1. Введение

Вопросы материально-бытового положения студенчества России со второй половины XIX в. периодически попадают в фокус исследовательского интереса историков. Произведения научной, публицистической и художественной литературы дореволюционного периода пестрили повествованиями о вопиющей бедности основной массы воспитанников высших учебных заведений. «Ослабление воли к жизни, отчаянная разочарованность, гнетущее одиночество и беспросветная материальная нужда – вот характерные черты современной жизни учащейся молодежи» – утверждалось в сборнике «На помощь молодежи», изданном в 1910 г. (На помощь молодежи, 1910: III). Либеральные газеты и журналы постоянно размещали на своих страницах материалы о бедственном материальном положении студентов, утверждая, что значительная их часть проживает за гранью нищеты. Так, в 1914 г. в газете «Сибирская жизнь» отмечалось: «Заставьте, попробуйте

* Corresponding author

E-mail addresses: oksan510@yandex.ru (O.V. Ishchenko), nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

студента – немца или француза пройти в русский мороз в таком пальтишке, в каком русский студент ходит..., покормите-ка их «обедом» за 6 копеек... Ни один студент в мире не живет так, как он» (*Сибирская жизнь*, 1914: 8 февр.) Мотив необеспеченности, красной нитью проходивший через воспоминания бывших студентов, стимулировал массовое открытие и усиление деятельности Обществ вспомоществования учащимся (*Магсумов*, 2015: 63–64). Левые политические партии тоже делали акцент на бедности студенчества, связывая его с политикой властей и указывая на этом основании на необходимость кардинальных перемен в обществе.

Вместе с тем, и в наши дни студенчество не может быть отнесено к самым обеспеченным категориям населения. Студенческая молодежь, являясь промежуточной, в терминологии А.Е. Иванова, маргинальной группой социума (*Иванов*, 1999: 5), находится в состоянии подготовки к трудовой деятельности. Необходимость внесения платы за обучение, небольшое количество предоставляемых стипендий и их размер, не дающий возможности удовлетворить базовые потребности, определяют и определяют тяжелое материальное положение учащейся молодежи и сейчас, как и сто лет назад. Фактическое продление детского возраста на срок обучения возлагает значительные дополнительные затраты на родителей, ставя в зависимость материально-бытовое благополучие студента от уровня благосостояния его семьи.

При этом, считая вполне доказанным факт значительной материальной необеспеченности части студенчества на рубеже XIX – XX вв., следует, тем не менее, обратить внимание на вопрос о том, как сами студенты оценивали свое материально-бытовое положение? Действительно ли они были в разряде самых малообеспеченных слоев российского общества? В какой степени на условия существования студентов влияли социальное положение и род занятий их родителей? Ответы на эти вопросы могут дать результаты обследования студенческого быта и условий существования.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование материально-бытового положения сибирских студентов в начале XX в. было проведено на основании изучения данных студенческих переписей, проводимых в Томске в 1901–1913 гг. Материалы первой сибирской переписи 1901 г. были обработаны ее инициатором профессором М.Н. Соболевым и представлены в книге «Экономическое положение томских студентов», изданной в Томске в 1902 г. (*Соболев*, 1902). Имеющиеся в указанном труде данные были в ряде случаев нами откорректированы и соотнесены с материалами опросных листов, заполненных студентами Томского технологического института (далее – ТТИ) и Томского университета (далее – ТУ) в период 1906–1913 гг. (*ГАТО*, ф. 194, оп. 1, д. 68). Сохранившиеся в фонде технологического института анкеты представляют собой необработанный массив данных, подвергшийся в ходе проведения исследования обработке и систематизации.

2.2. Проведенное исследование носит историко-социологический характер. Оно близко по своему содержанию и технике к исследовательскому подходу историка российского студенчества А.Е. Иванова (*Иванов*, 1999, 2004). При работе с массивом сведений о сословном происхождении вузовской молодежи, размером доходной и расходной статей студенческого бюджета использовался метод статистического анализа количественных данных, позволивший выделить разные по степени материально-бытовой обеспеченности группы в составе студенчества. Применение проблемно-хронологического метода дало возможность выявить динамику материального положения томских студентов на протяжении 1901–1913 гг.

Важную роль в постановке проблемы и подведении итогов исследования сыграло обращение к теории модернизации, что применительно к теме исследования обусловило возможность связать изменения в жизни сибирского студенчества с трансформациями в социально-экономической жизни страны. При этом сибирский регион Российской империи имел свою вполне определенную специфику, оказывавшую заметное влияние на материально-бытовое положение томского студенчества. Понимание этого обстоятельства потребовало ввести в методологическую базу исследования элементы теории исторической регионалистики.

3. Обсуждение

Научная и публицистическая литература рубежа XIX – XX вв. акцентировала свое внимание на материальной необеспеченности значительной части российского студенчества, Однако детальное изучение условий жизни и быта в ходе проведения студенческих переписей позволило выделить в среде учащейся молодежи группы, различающиеся по своему материальному положению (*Бунге*, 1872).

В исследованиях советского периода тезис о вопиющей бедности российского студента был сохранен и дополнен критикой царского правительства, проводившего антинародную политику и сознательно ограничивавшего доступ демократической молодежи к образованию (*Ерман*, 1966; *Лейкина-Свирская*, 198; *Олесич*, 1982).

Впрочем, и на современном этапе развития отечественной исторической науки материальная необеспеченность значительной части учащейся молодежи определяется в связи с соответствующей политикой власти. Так, А.Е. Иванов отмечает: «Социальное регулирование состава российского студенчества осуществлялось ... путем экономического давления на учащихся посредством различных

видов материального вспомоществования с целью ... подкупа одних и отсева беднейших, с точки зрения полицейской, представлявших политически криминогенную среду» (Иванов, 1999: 393). Во многих статьях и монографических исследованиях положение о необеспеченности значительной части представителей студенческой молодежи подкреплено значительным количеством цифрового материала (статистических сведений, данных обработки студенческих анкет и пр.) (Андреев, 2000; Иванов, 1999, 2004; Ищенко, 2010; Низамова, 2013). В среде исследователей сформировалось понимание того, что материальное положение молодежи во многом зависело от социального происхождения и достатка их родителей (Юркина, 2016: 58), а «условия повседневной жизни в действительности сильно отличались для разных групп студентов» (Андреев, 2000: 219-220).

4. Результаты

Студенческие анкетные опросы или, как их называли сами студенты, «переписи», представлявшие собой эмпирические социологические исследования, стали регулярно проводиться в России с конца XIX в. (Иванов, 2004: 199-200). В начале XX в. ими были охвачены практически все университетские города страны: Петербург, Москва, Киев, Юрьев, Одесса, Томск, Варшава, Казань, Харьков. Исследования, как правило, проводились самими студентами под руководством преподавателей и, как всякое новое дело, не были лишены недостатков в методологическом и организационном аспектах (Марголис, 1996: 657).

Одним из самых удачных образцов подобного исследования стала материально-бытовая «самоперепись» 1901 г. студентов города Томска, осуществленная под руководством профессора М.Н. Соболева студентами – членами руководимого им статистического семинария (Иванов, 2004: 220). Следует отметить, что Михаил Николаевич Соболев преподавал в обоих томских вузах (университете и технологическом институте – авт.), являясь и.д. ординарного профессора по кафедре политической экономики и статистики Томского университета и внештатным преподавателем политэкономики Томского технологического института (Соболев Михаил Николаевич), поэтому анкетирование в Томске не было ограничено рамками одного вуза, как это было во многих других городах. По оценке профессора В.В. Святловского, «эта небольшая перепись являлась одной из наиболее полных студенческих переписей, а по равномерности распределения ответов по различным курсам и факультетам, пожалуй, и наиболее охватывающей обследованные явления» (Иванов, 2004: 221). Высокое качество проводимого в Томске обследования было связано и с тем, что в 1900 г. профессор Соболев был командирован за границу, где он познакомился с передовым опытом организации статистических исследований (Некрюлов, 2000: 69).

В ходе проведения переписи 1901 г. было опрошено 594 студента, в том числе 392 – из ТУ и 202 – из ТГИ (Соболев, 1902: 1). Анкетный бланк переписи состоял из 31 вопроса, 12 из которых дробились на множество уточняющих подвопросов. Ключевой блок составляли вопросы социально-портретирующего респондентов свойства: возраст, тип среднего образования, сословие, семейное состояние, благосостояние родителей. Дальнейшие вопросы переписи охватывали основную проблематику материальной обеспеченности и повседневного студенческого быта: бюджет и формирующие его статьи, жилищные условия, степень удобства студенческого жилья, его стоимость, одежда, досуг и пр. (Иванов, 2004: 220).

В период студенческих волнений 1911 г. М.Н. Соболев был вынужден уволиться и уехать из Томска, но работа организованного им студенческого статистического семинария была продолжена, поэтому сохранилась и практика проведения опросов с целью исследования материально-бытового состояния студенчества, о чем свидетельствуют находящиеся в фонде Томского технологического института Государственного архива Томской области опросные листы студентов за 1906-1913 гг. (ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 68). И хотя количество заполненных анкет относительно невелико – всего 28, анализ приведенных в них сведений дает возможность проследить динамику изменений материально-бытового положения сибирских студентов по сравнению с переписью 1901 г. поскольку в числе респондентов оказались представлены студенты всех факультетов и отделений томских вузов (26 технологов и два студента университета).

Отпечатанные типографским способом опросные листы, розданные студентам в период 1906-1913 гг., включали в себя 110 вопросов. Значительное их число содержало дополнительные подпункты, поэтому заполнение столь большой анкеты требовало от студентов довольно серьезных временных затрат. Возможно поэтому в ряде опросных листов многие вопросы оставлены без ответа.

Сами вопросы в анкете условно могут быть разделены на несколько групп: общие сведения о респондентах; характеристика семьи анкетированного; источники доходов студента; условия проживания; питание; наличие долгов; основные статьи расходов; наличие теплой одежды и обуви; сведения о заболеваемости студентов. Самыми большими по количеству задаваемых вопросов были разделы о материальном состоянии семьи, доходах, расходах, условиях проживания и питании.

Структурно анкета напоминала вопросник М.Н. Соболева 1901 г., но количество вопросов в ней было заметно увеличено. Кроме того, на последней странице было оставлено место для открытых вопросов, где студент мог дать отдельные комментарии о характеристиках занимаемого помещения, питании и высказать свое мнение по актуальным именно для него темам. Подобное новшество появилось в анкетах после 1903 г., когда наряду с обезличенной статистической группировкой стали использоваться

и методы социально-психологического анализа индивидуальных высказываний. По меткому высказыванию автора одного из студенческих опросников А. Петрова, «порой одно оригинальное интересно построенное замечание в анкетном листе может дать для психологического исследования больше, чем сотни бледных, трафаретных, непродуманных ответов» (Марголис, 1996: 658).

Анализ ответов на первую часть вопросов дает возможность выявить ряд социальных характеристик респондентов. Так, по данным опроса 1901 г., в ТУ обучались в подавляющем большинстве выпускники духовных семинарий (76 %), а в ТТИ – выпускники реальных училищ (42,6 %) и гимназий (37,3 %) (Соболев, 1902: 8-9). 14 человек (50 %) из заполнивших опросные листы в 1906-1913 гг. указали, что приехали в Томск для получения образования из других городов страны (Иркутска, Казани, Тобольска, Омска, Екатеринбургa, Минска, Тифлиса, Новониколаевска, Орла и др.) Сложившаяся ситуация с приезжими студентами была вполне характерна для сибирских вузов с самого начала их существования, поскольку наличие особых правил приема и достаточное число студенческих вакансий привлекали в отдаленный регион многих абитуриентов из европейской части страны (Ищенко, 2010: 35-36).

Обязательным пунктом в анкетах был вопрос о принадлежности к определенному сословию. Студенческая перепись 1901 г. показала преобладание в Томском университете выходцев из семей духовенства (57,4 %), второе место занимали чиновники и мещане (по 9,5 % каждая категория), доля детей дворян составляла около 6 %, примерно таким же был удельный вес купцов, а также и крестьян. В ТТИ больше всего было детей мещан – 28,6 %, дворян – 22,2 %, чиновников – 11,8 %, купцов – 11,4 %, крестьян и почетных граждан – примерно по 8 %, духовенства – 5,9 % (Соболев, 1902: 7-8). Таким образом, в университете преобладали выходцы из духовного сословия, в технологическом институте – дети мещан и дворян. Эти показатели были взаимообусловлены с типами школ, оканчиваемыми абитуриентами.

Гораздо больше сложностей при подведении итогов переписи 1901 г. вызвала обработка ответов на вопрос о характере занятий родителей. Неточность формулировки привела к тому, что студенты давали ответы, «основанные на разных принципах классификации» (Соболев, 1902: 11), поэтому авторам исследования пришлось сначала анализировать все представленные варианты ответов, чтобы затем попытаться разделить их на определенные группы. В результате был сделан вывод о том, что по типу занятости среди родителей студентов ТУ преобладали священнослужители (около 60 %), далее шли чиновники и представители «либеральных профессий» (15 %), лица, занимавшиеся торговлей и промышленностью (8 %), состоявшие на частной службе (7 %), занятые в сельском хозяйстве (4,2 %), рабочие и ремесленники (0,8 %) и «жившие на доходы от капитала» (4,2 %). В ТТИ самой многочисленной группой были чиновники и представители «либеральных профессий» (около 39 %), лица, занимавшиеся торговлей и промышленностью (20 %), состоявшие на частной службе (20 %), священнослужители (около 6 %), занятые в сельском хозяйстве (6 %), рабочие и ремесленники (2,7 %) и «жившие на доходы от капитала» (6 %). Около половины студентов университета и порядка трети студентов технологического института родителей не имело (Соболев, 1902: 12).

В силу недостатков опросника полученная характеристика занятий родителей студентов была признана авторами исследования «не вполне удовлетворительной», но, тем не менее, она подтвердила очевидный факт, что сословная принадлежность и занятия родителей обучающихся зачастую не совпадали, а принадлежность к сословию не определяла уровень материального благосостояния семьи.

Не устраненный в ходе проведения дальнейших опросов недостаток анкеты 1901 г. отчетливо проявляется и при анализе опросных листов 1906-1913 гг., поэтому для получения сопоставимых результатов единственным вариантом остается применение методики М.Н. Соболева, т.е. сведение в таблицу всех данных опросных листов по степени убывания доходов семьи с последующей приблизительной группировкой характера занятий родителей студентов.

Таблица 1. Занятия, размер и источники дохода родителей томских студентов (по данным опросных листов 1906-1913 гг.) (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83)

№ п/п	Занятия родителей	Примерный годовой бюджет родителей (в руб.)	Источники дохода родителей	Количество лиц (из членов семьи), живущих на средства родителей
1.	Торговля	6000	Торговля	6
2.	Служащий	2500	частная служба	11
3.	Ревизор	2400	служба на жел. Дороге	2
4.	Коммерческое предприятие	2000	Торговля	2

5.	Промышленность	2000	дом, частная служба	6-8
6.	Мать – корсетница, отец – пенсионер, живут раздельно	отец – 2000	не указано	3
7.	Служащий	1500	государственная служба	1
8.	Служащий в казенной винной лавке	1400	дом, служба по продаже питания	2
9.	Отец умер, мать занимается хозяйством	1200	мать имеет дом и небольшой участок земли	3
10.	Сельское хозяйство	1000	Собственность	4
11.	Земский служащий	840	Служба	6
12.	Служащий	800	казенная служба	Нет
13.	Мать, занятий нет	720	пенсия 420 руб. и с дома 300 руб.	2
14.	Мать акушерка, отец умер	480	у бабушки пенсия 25 руб., у матери 15 руб. в месяц	2
15.	Одна мать, крестьянское хозяйство	200	хлебопашество на арендованной у кабинета Е.и.в. земле	1
16.	Мать домовладелица	не указано	Доход с аренды дома	1
17.	Отец и мать живут у брата	не указано	не указано	не указано
18.	Врач в военном ведомстве	не указано	врачебная деятельность	5
19.	Торговля	не знаю	дом, торговля	15
20.	Отец бывший торговый служащий, нетрудоспособен, живет у родственников, мать умерла	0	-	Никто
21.	Сироты – 4 человека	-	-	-

Бесспорно, полученные сведения сложно систематизировать, но очевидно, что по роду занятий родителей преобладала служба (казенная, частная, государственная) и торговля. В качестве источника дохода родителей нередко фигурировала пенсия и доходы от сдачи жилья в аренду. Размер получаемого годового дохода колебался в пределах 6000 – 200 руб., причем нередко было указано, что родители никакого дохода не имели.

При этом группировка данных не дает неожиданных результатов. В разряд наиболее обеспеченных семей попали те, где основными занятиями родителей была торговля, промышленность или владение недвижимостью. Довольно обеспеченными оказались и семьи служащих. Приведенные данные не позволяют сделать однозначные выводы о материальной обеспеченности, либо, наоборот, бедности семей участников опроса. Однако дальнейшие вопросы анкеты позволяют конкретизировать сведения о реальном материальном положении студентов.

Первоочередное обращение в опросных листах к оценке благосостояния родителей респондентов было связано с тем, что именно уровень дохода семьи обеспечивал возможность содержания ребенка в высшем учебном заведении. При этом помощь из дома, являясь основой студенческого бюджета, нередко сочеталась с другими источниками дохода – дополнительными заработками, стипендиями, пособиями казенными и частными, суммами, заработанными до поступления в высшую школу, и доходами от личного имущества (Иванов, 1999: 270).

Анализ студенческих анкет, полученных в ходе переписи 1901 г., позволил выявить соотношение денежных получений от родителей, сумм личного заработка и сумм пособий, ссуд и стипендий, приходившихся на одного студента в зависимости от его сословной принадлежности.

Таблица 2. Структура доходов на одного студента Томского университета (ТУ) и Томского технологического института (ТТИ) (по данным переписи 1901 г.) (Соболев, 1902: 21-22)

Сословия	Денежные поступления от родителей в среднем за 3 месяца (в руб.)		Средняя сумма личного заработка на 1 студента в месяц (в руб.)		Средняя сумма всех пособий, ссуд и стипендий на 1 студента (в руб.)	
	ТУ	ТТИ	ТУ	ТТИ	ТУ	ТТИ
Дворяне	63	167	44	32	38	24
Духовенство	61	140	39	5	17	45
Чиновники	27	77	51	20	37	51
Купцы	169	193	16	22	9	11
Мещане	53	106	48	51	34	33
Почетные граждане	49	55	74	43	40	49
Крестьяне	57	61	32	33	62	54
Военные (казаки)	-	111	-	35	208	20
В среднем	60	114	38	44	56	36

В результате проведенного исследования М.Н. Соболевым был сделан вывод о том, что в ТУ больше всего денег присылали своим детям лица купеческого сословия, потому студенты этой категории имели наименьший личный заработок и получали самое малое количество пособий и стипендий. Меньше всего получали от родителей дети чиновников и почетных граждан, они же имели высший средний размер личного заработка и довольно значительную сумму пособий и стипендий (Соболев, 1902: 18). Однако представленная таблица дает возможность расширить сделанные выводы. В частности, материалы переписи свидетельствуют о том, что в университете дети дворян имели денежные поступления из дома, сопоставимые по размеру со средствами, получаемыми детьми духовенства и крестьян. При этом личный заработок дворян был выше, чем у крестьян, а сумма пособий меньше. В этом отношении следует согласиться с мнением историка В.Р. Лейкиной-Свирской, отмечавшей, что на рубеже XIX – XX вв. «сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по социальному положению, в том числе деклассированных дворян – фактических разночинцев» (Лейкина-Свирская, 1981: 60).

В ТТИ больше всего денежных поступлений от родителей имели дети купцов, дворян и духовенства, поэтому личный заработок и размер пособий у этих категорий был незначителен. Меньше всего денег своим детям присылали почетные граждане и крестьяне, поэтому у этих студентов был выше размер стипендий и пособий и довольно значительный личный заработок (Соболев, 1902: 23). Однако в технологическом институте при разной сумме поступлений из дома личный заработок дворян был почти равен заработку крестьян, а пособий крестьяне получали больше.

Обращает на себя внимание и то, что дети дворян в ТТИ получали от родителей почти в три раза больше денег, чем дети представителей этого же сословия в ТУ. Инженерное образование в условиях бурного промышленного развития страны в начале XX в. было престижнее и давало больше перспектив в будущем, думается, поэтому более обеспеченные люди выбирали для своих детей технические вузы.

В целом, сумма помощи из дома, получаемая студентами Томского университета в 1901 г., была почти в два раза ниже, чем у технологов, но количество пособий и стипендий в университете, который как первый сибирский вуз пользовался большей поддержкой благотворителей, было заметно выше. Это подтверждают и данные анкетного опроса 1906–1913 гг., согласно которым только пять человек (около 20 %) из числа 26 технологов получали либо стипендию, либо небольшие пособия от земств и обществ вспомоществования, либо были освобождены от платы за учение (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83). При такой незначительной помощи со стороны государства и благотворительных организаций серьезно возрастала роль денежных средств, получаемых от семьи.

Действительно, в опросных листах 1906–1913 гг. более 70 % студентов указали, что они получают деньги от родителей или других родственников. При этом зачастую помощь родных была довольно невелика, составляя у большинства 15–40 руб. На наличие неденежной помощи, включавшей одежду, обувь, продукты, указали менее половины опрошенных, а личный доход с имущества, пенсий и пр. был только у одного человека. Не получали никакой поддержки от семьи в силу отсутствия родителей или тяжелого материального положения родных пять человек (около 18 %), а некоторые даже высылали деньги своим родным (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83). Собственные сбережения к моменту поступления в вуз были только у четверти опрошенных. Часть этих средств представляла собой сбережения из заработка личным трудом, и роль этого личного труда, как указывалось выше, была довольно значительна.

Так, по данным переписи М.Н. Соболева большинство опрошенных студентов Томского университета (213 из 392, т.е. 54 %) занимались репетиторством, тратя на это около 17 ч. в неделю и получая 11 руб. в месяц. Значительная часть студентов (около четверти работающих) подрабатывала певчими в церковном хоре, регентами и псаломщиками, что неудивительно, учитывая их предыдущее семинарское образование. На пение в хоре уходило около 7 ч. в неделю, заработная плата при этом составляла 14 руб. в месяц. Наибольший доход (24-37 руб. в месяц) давала служба и канцелярская работа в казенных учреждениях, которой занимались около 20 % студентов Томского университета, но на это уходило более 30 ч. в неделю, что было практически несовместимо с занятиями. Обобщение всех видов заработков показало, что студенты Томского университета работали в среднем по 18 ч. в неделю (то есть по три часа в день), получая при этом около 22 руб. в месяц (Соболев, 1902: 28, 30).

К сожалению, обработка анкет 1901 г. не дала точных сведений о заработках студентов Томского технологического института, поскольку только 62 человека указали количество занятого времени и 19 – величину заработка. Из числа указавших заработок большая часть (около 47 % работающих) тоже назвали занятия репетиторством, дававшие им в среднем 13 руб. в месяц. Наибольший доход приносила работа с документами и занятость в строительстве, но такая деятельность, при заработной плате в 35-42 руб. в месяц, отнимала 36-54 ч. в неделю, что однозначно было несовместимо с учебой. Согласно полученным данным, средний доход студентов-технологов в 1901 г. составлял 17 руб. 31 коп., что было на 5 руб. меньше, чем у студентов университета (Соболев, 1902: 29, 32).

Однако данные опросных листов 1906-1913 гг. показали, что с переходом студентов-технологов на старшие курсы спрос на их услуги у работодателей заметно возрастал. Кроме того, в силу достаточно значительных поступлений из дома, далеко не все студенты стремились найти работу. Так, лишь семь человек (25 %) из числа опрошенных ответили положительно на вопрос о наличии заработка. Основными видами личного труда в анкетах были названы уроки и землемерные работы. Средний размер полученного заработка составлял 43 руб. ежемесячно, но были и те, кто указал гораздо большие суммы. Например, один из опрошенных, работавший землемером, заработал за год 1200 руб. Среднее время, потраченное на работу, составляло около 3 ч. в день, но, с повышением суммы заработка, количество потраченного на него времени возрастало, достигая 40 ч. в неделю (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Понятно, что постоянная занятость, хотя и давала достойную заработную плату, не оставляла возможности нормально учиться. Поэтому значительная часть студентов предпочитала трудиться летом, в каникулярное время, когда можно было получить более серьезную работу, чем становившееся все менее выгодным репетиторство. «Благодаря конкуренции плата за репетиторство все падает и падает и в настоящее время мы даже можем встретить в газетах объявление, где некоторые репетиторы предлагают свои услуги за 4-5 рублей в месяц», – писал по этому поводу журнал «Сибирский студент» (Ленский, 1914: 118). Полученные же во время летних работ деньги зачастую обеспечивали студенту довольно сносное существование в течение последующего учебного года.

По данным переписи 1901 г., в летний период работал 171 студент ТУ (42,5 %) и 89 студентов ТТИ (43,2 %). В среднем студенты университета заработали за лето по 107 руб., а студенты-технологи по 128,5 руб. (Соболев, 1902: 33-37). Летние заработки студентов института оказались заметно больше, поскольку они работали чаще на железной дороге, промышленных предприятиях, т.е. там, где оплата труда была относительно высока. Из числа студентов, заполнивших опросные листы в период 1906-1913 гг., на наличие летнего заработка указали 13 человек, т.е. почти 50 % от числа опрошенных. При этом средний заработок технологов в месяц составил около 54 руб., хотя некоторым студентам, занятым на землемерных работах и в строительстве, удалось заработать 700-800 руб. за сезон (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Помимо изучения размеров студенческих доходов и источников их формирования, значительная часть вопросов, входивших в состав студенческих переписей, была посвящена детализации расходной части студенческого бюджета, в которой главное место занимала плата за обучение, составлявшая в томских вузах 100 руб. в год. Как следует из анализа опросных листов 1906-1913 гг., 50 % опрошенных получали от родных деньги на уплату за слушание лекций в размере 50 руб. в семестр. Подчеркнутая адресность указанной помощи и ее поступление даже от очень небогатых родственников свидетельствует о том, что именно взнос платы за обучение воспринимался студентами и их семьями как основная, незыблемая статья расходов. На всем остальном – питании, одежде, обуви можно было сэкономить, но не на плате за обучение.

Еще одним необходимым пунктом расходной части студенческого бюджета была плата за аренду жилья. Как указывалось ранее, значительная часть абитуриентов приезжала в Томск из других городов, поэтому подавляющее большинство студентов проживало на съемных квартирах. По данным переписи 1901 г. наемным жильем в Томске пользовались 75,5 % студентов (Иванов, 1999: 300). Анализ опросных листов 1906-1913 гг. показал, что большинство (22 человека или около 78,5 % из числа опрошенных) снимали комнату или квартиру (ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 68: 1-83).

Средняя стоимость аренды комнаты в Томске в начале XX в. составляла 6 руб. в месяц. При этом 66 % студентов ТУ и 56 % студентов ТТИ снимали комнаты по цене ниже 6 руб., а более дорогое жилье себе могли позволить лишь 34 % воспитанников университета и 44 % технологов

(Соболев, 1902: 40). Очевидно, что более обеспеченные в массе студенты-технологи снимали лучшее жилье и платили за него дороже. И, действительно, в опросных листах 1906-1913 гг., заполненных преимущественно студентами технологического института, отмечено, что 19 из них снимали комнату с отоплением, семь – с освещением, 16 – с прислугой и шесть – со столом. При этом максимальная стоимость снимаемого помещения составляла 45 руб. со столом, а минимальная – 8 руб. на одного или 10 руб. на двоих. Большинство студентов платили за комнату 10-15 руб. Дешевле было снимать комнату в складчину, тогда стоимость жилья на одного человека составляла от 4,5 до 9 руб. (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

При этом серьезной проблемой оставалось качество арендуемого жилья. Согласно исследованию условий проживания студентов, проведенному студентом Ф. Киркевичем в Томске в 1897 г., в большинстве своем студенты жили на густонаселенных грязных улицах в старых деревянных домах с печным отоплением. Обследование 40 квартир, в которых проживало 75 студентов ТУ, показало, что в 30 комнатах размер помещения оказался ниже необходимой нормы, в 14 – было недостаточное освещение, в 18 – повышенная влажность. Некоторые студенты жаловались на низкую температуру воздуха в комнате. Только в трех из 40 обследованных комнат имелись форточки для проветривания, но и они не открывались в зимнее время из-за холода, зато в комнатах изобильно водились клопы и тараканы. Лишь при одной квартире был теплый туалет, но до него нужно было ходить через двор. Следует учесть, что Ф. Киркевичем были обследованы только квартиры, расположенные ближе к университету, т.е. в центре города. Обстановка на окраинах была еще хуже (Жеравина, 2004: 210-211).

Однако анализ опросных листов студентов, заполнявших их в 1906-1913 гг., рисует не столь тягостную квартиру студенческого быта. В частности, пять человек из числа опрошенных занимали отдельную квартиру, а один студент имел в собственности несколько квартир, одну из которых сдавал. Подавляющее большинство студентов по-прежнему проживало в деревянных домах, но в отдельных, а не проходных комнатах. Размер занимаемых комнат колебался в пределах от 11 до 40 м², хотя большие комнаты были редкостью. Большинство проживало в комнатах размером 15-26 м². При этом в шести квартирах уже был водопровод, а в одной даже ванна. Клозет чаще всего находился в квартире (это отметили 22 студента), но только в восьми квартирах он был теплым. Освещение в большинстве комнат давала керосиновая лампа, однако в четырех помещениях уже было электричество (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Определенное улучшение условий проживания студентов (появление в домах водопровода, теплых клозетов, электричества) во многом было связано со стремительными изменениями, происходившими в российских городах на рубеже XIX-XX вв. Так, по данным Б.Н. Миронова, в этот период времени вечернее освещение улиц появилось в 87 % городов, водопровод – в 20 % и канализация – в 5 %, но все эти блага были лишь в центре, где проживали зажиточные граждане (Миронов, 2003а: 310).

Давая субъективные оценки условиям проживания, 50 % студентов, или 14 человек из числа заполнивших анкету, положительно оценили характеристики своего жилья, назвав его сухим, теплым и светлым. Около 10 человек жаловались на то, что помещение довольно холодное. Малое количество света отметили четыре человека, еще четверо указывали на сырость, восемь студентов были недовольны шумом, мешающим заниматься. То есть в вопросе удовлетворенности занимаемым помещением мнения студентов разделились ровно пополам. При этом многие из них отмечали и достоинства, и недостатки занимаемого помещения: «Удобство – мало шума. Неудобство: холодно, немного пыльно, темно, сыро. Если жарко, то угар», «Комната – мечта: уютно, тихо, располагает к занятиям. Один недостаток – нет форточки», «Комната холодная, небольшая, темная, но недорого». Однако, пожалуй, самой яркой характеристикой арендуемого помещения и сдававшего его хозяина стала сделанная отдельно приписка следующего содержания: «О получении денег с работодателей приходится вымалывать, а благодаря несвоевременной уплате приходится терпеть неприятности от домохозяина, заборной лавки водовоза» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83).

В комментариях к анкете многие студенты отмечали, что они хотели бы жить в студенческом общежитии, где при более низкой плате студент имел гораздо больше удобств. И действительно, проживание в общежитии, где студентам предоставлялось помещение с мебелью, постельными принадлежностями, электрическим освещением, прислугой и кипятком, обходилось в 12 руб. в месяц в одноместном номере, 10 руб. – в двухместном и 8 руб. – в трехместном. Однако вместимость общежития была невелика, и одновременно проживать в нем могли лишь 74 человека (Чепалов, 1914: 75-80).

Следует отметить, что в студенческих переписях вопросы о жилищном устройстве находились в неразрывной связи с вопросами организации питания, поскольку значительная часть студентов питалась именно по месту проживания, платя совокупно за обе оказанные услуги. Так, по данным опроса 1901 г., комнату со столом снимали 32 % опрошенных, комнату с полным содержанием – 17 %, комнату с чаем – 5 %. Из числа студентов Томского технологического института комнату со столом снимали 34 %, комнату с полным содержанием – 22,5 %, комнату с чаем – 4,5 %. Те же, кто не питался дома, тратили на обед ежемесячно в среднем 6-8 руб., причем по данным, обработанным М.Н. Соболевым, обедом на сумму 4-6 руб. питалось около 60 % студентов университета и 65 %

студентов технологического института, 6-8 руб. на него тратили по 35 % студентов обоих томских вузов и свыше 8 руб. платили за обеды 5 % студентов университета (Соболев, 1902: 37, 41-42).

По сведениям, содержащимся в опросных листах 1906-1913 гг., около половины авторов анкет тратили на обед от 6 до 9 руб. Подавляющее большинство студентов получало ежедневный обед из двух блюд, тратя на него в среднем 18-25 коп. 75 % участников опроса указали, что ежедневно едят мясную пищу и получают к обеду молоко, а остальные ели мясо не менее четырех раз в неделю. На нерегулярное получение обеда в силу нехватки денег или времени указало всего два человека (7 %) от числа опрошенных. Больше всего студентов питалось по месту жительства, но значительное число (около 30 %) в качестве места получения обеда указало относительно дешевую студенческую столовую (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Студенческие переписи показали, что именно обед был основой студенческого питания, поскольку значительная часть опрошенных не имела полноценных завтрака и ужина, заменяя его чаем с хлебом и сахаром. Пожалуй, недостатка студенты не испытывали только в хлебе, поскольку он подавался к чаю у всех без исключения опрошенных.

И все же оценивая общую картину студенческого питания как довольно удовлетворительную, следует обратиться к мнениям самих студентов, высказанным по этому поводу на страницах анкет. «К чаю имею булки и масло», «В настоящего время лучшего не желаю», – писали одни. «Питание сносное, но дороговизна», – отмечал другой студент. Больше всего отзывов оставили посетители студенческой столовой: «Обед в студенческой столовой за 18 коп. и хлеб с чаем – считаю, что мало», «За 15 коп. суп и котлета. К чаю хлеб и масло. Питание удовлетворительное. Но было бы побольше денег, в столовую бы не ходил», «Не питание, а медленное самоубийство!» Однако, пожалуй, наиболее точно мнение студентов при ответе на вопрос «Довольны ли вы обедом» было выражено одной короткой фразой: «Как не быть довольным, когда другого нет» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83).

Помимо качественного питания, другим важным показателем, определявшим комфортность проживания студентов в Сибири с ее холодным климатом, было наличие теплой верхней одежды. По данным переписи 1901 г. большинство опрошенных указали наличие у них зимнего пальто, причем более дешевое ватное пальто носили около половины студентов. Приблизительно 5 % студентов томских вузов теплой одежды не имели (Соболев, 1902: 48).

Опросные листы 1906-1913 гг. показали очень похожие результаты, поскольку из числа 26 человек, ответивших на вопрос о теплой одежде, указал на ее отсутствие только один. Из имеющихся у них видов зимней одежды студенты чаще всего называли ватное пальто (13 человек), шубу (девять человек), барнаулку (пять человек), меховое пальто (один человек) и демисезонное пальто (четыре человека). Интерес представляет появление в этом списке нового вида теплой одежды – барнаулки, которыми называли производимые в г. Барнауле полушубки из крашеной в черный цвет овчины, стоившие 15-18 руб. (Гончаров, 2010). Покупка относительно недорогой по сибирским меркам барнаулки обходилась примерно в половину самостоятельного среднемесячного заработка студента, но и носилась она не один год. Примечательно, что все томские студенты отрицательно ответили на вопрос о покупке поношенной одежды, тогда как, по мнению А.Е. Иванова, в столичных городах это было обычной практикой (Иванов, 1999: 327). В целом, указанные в анкетах расходы на покупку одежды, находились в пределах 6,5-100 руб. в год, большинство же тратило на эти цели 30-50 руб., и лишь один студент коротко указал: «Ничего» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83).

К этим расходам следует добавить затраты на покупку обуви (в среднем 10-15 руб. в год), ремонт обуви и одежды (1-3 руб.), а также стирку белья и чистку вещей, обходившуюся в среднем в 1,5-2 руб. в месяц. Причем заметная минимизация затрат на эти цели прослеживается в ответах «сам чиню» или «дома стирает жена» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 83). Кроме того, уход за одеждой был несколько облегчен появлением в Томске в начале XX в. нескольких прачечных и начавшимся распространением в городах края домашних швейных машинок (Гончаров, 2010).

Материалы студенческих переписей дают возможность выявить амплитуду расходов воспитанников сибирских высших учебных заведений на самые необходимые вещи и услуги. Так, на баню студенты тратили от 1 руб. 20 коп. до 16 коп., при этом средний расход студентов составлял 50-80 коп. Стрижка и бритье обходились студентам в среднем в 50 коп. в месяц, но и здесь опрос выявлял как наиболее богатых, позволявших себе тратить на эти цели около двух рублей, так и тех, кто тратил на стрижку от 5 до 20 коп., а брился самостоятельно. Расходы на косметику и парфюмерию имели менее трети от числа опрошенных, причем почти все из них расходовали на флакон одеколона 20-50 коп. один раз в полгода. Столько же респондентов указали в числе трат расходы на прислугу, обходившуюся им в сумму от 50 коп. до 4 руб. К разделу обязательных студенческих трат относились и расходы на учебники и учебные принадлежности, составлявшие в среднем в 10-30 руб. в год (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

Опросные листы 1906-1913 гг. содержат и более детальные сведения о дополнительных тратах и развлечениях томских студентов. Так, 11 человек (около 40 % опрошенных) заявили, что выписывают периодические издания, тратя на это от 3 до 15 руб. Половина опрошенных покупала газеты, в первую очередь, популярную в Томске «Сибирскую жизнь», тратя на это ежемесячно в среднем от 50 коп. до 1 руб., причем ряд опрошенных заявили, что не покупают прессу, а читают ее бесплатно в библиотеке.

Расходы же на пользование библиотекой составляли мизерную часть студенческого бюджета, поскольку не превышали 20-25 коп. Столь же невелики были затраты на лекции (видимо, публичные), которые студенты либо слушали бесплатно, либо тратили на них в год не более 1 руб. (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

По данным переписи 1901 г., более 90 % томских студентов посетили в течение учебного полугодия театры, концерты и танцевальные вечера (Соболев, 1902: 53-54). Но опросные листы 1906-1913 гг. содержат несколько иные сведения: только 16 человек (около 57 % ответивших) посещали театры и концерты, тратя на это в среднем 1,5 руб., а о походах в кинематограф заявило еще меньше – 13 человек, хотя просмотр фильмов обходился значительно дешевле. Ряд респондентов особо отметили, что они не ходят в театры и кино из-за отсутствия денег и времени. Более дорогие развлечения (экскурсии, пикники), обходившиеся в сумму от 1 до 6 руб., могли себе позволить только 5 чел. При этом студенты, даже бедные, не отказывали себе в расходах на табак и спички. Курящих в числе опрошенных оказалось 17 человек, т.е. около 60 %, которым их привычка обходилась в среднем в 1,5-2 руб. (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83).

В целом, проведенный анализ материалов сибирских студенческих переписей начала XX в. позволяет определить необходимый для относительно нормального жизнеобеспечения среднемесячный доход томского студента. С учетом разделенной на месяцы суммы оплаты годовичного обучения, он может быть представлен в следующем виде: 10 руб. – оплата обучения, 6 руб. – оплата жилья, 6 руб. – стоимость обеда, 3 руб. – чай, сахар и хлеб, 2 руб. – баня, парикмахерская, стирка, 2 руб. – учебные принадлежности, 1 руб. – ремонт одежды и обуви. Таким образом, даже без учета покупки одежды и обуви, затрат на лечение, развлечения или непредвиденные расходы, средний месячный бюджет сибирского студента должен был составлять в начале XX в. не менее 30 руб. или, с учетом каникул, 300-350 руб. в год. Отметим, что указанная цифра даже немного ниже той, которую вывел в 1872 г. организатор первой в России студенческой переписи профессор Н.Х. Бунге. Рассчитанный им «нормальный годовой бюджет» киевского студента в размере 375 руб. включал в себя расходы на квартиру – 80 руб., обеды – 72 руб., чай, сахар, хлеб – 48 руб., одежду – 66 руб., плату за право обучения – 40 руб., освещение и стирку белья – 24 руб., книги и прочее – 45 руб. (Бунге, 1872: 6).

Реальная же средняя величина расходов, согласно переписи 1901 г., составляла у студентов Томского университета – 22 руб. 25 коп., технологического института – 25 руб. 53 коп. в месяц. При этом более 52 % студентов университета в своих анкетах указали, что они проживали в месяц на сумму не более 20 руб., в технологическом институте таких студентов было около 37 %. От 21 до 30 руб. расходовали в месяц около 42 % студентов университета и 50 % технологов. Самая обеспеченная группа, включавшая в себя студентов, имевших возможностью расходовать в месяц от 31 руб. и выше, составляла около 6 % в ТУ и 13 % в ТТИ (Соболев, 1902: 38-39). То есть, в соответствии с методикой Н.Х. Бунге, согласно которой величина бюджета определяла отнесение студента к категории неимущих, среднеобеспеченных и обеспеченных, среди студентов томских вузов к первой и второй группам относилось в среднем по 45 %, к третьей – около 10 %, но грань между беднейшими и среднеобеспеченными студентами была достаточно зыбкой.

Определенные недостатки опросных листов, заполненных томскими студентами в период 1906-1913 гг., к сожалению, не дают возможности установить средний ежемесячный доход их авторов, но позволяют выявить динамику роста доходов студентов технологического института, более 50 % которых, благодаря помощи семьи и получению летнего заработка, могли довольно сносно переживать учебный период. В частности, на вопрос анкеты о желании иметь заработок положительный ответ дали 15 человек или 54 % от общего количества опрошенных, но на реальную нуждаемость в заработке указали всего 12 человек (43 %). Отсутствие желания иметь заработок выразили семь человек (25 %), а на отсутствие необходимости в заработке указали девять человек (32 %), объяснив это нехваткой времени или достаточным количеством средств, полученных в результате работы летом (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-83). Очевидно, что дополнительный доход для части студентов был желателен, но не обязателен.

В этой связи следует отметить, что некоторое улучшение материального положения было характерно в рассматриваемый период не только для томского студенчества. А.Е. Иванов, анализируя статистику студенческих бюджетов за 1893-1913 гг., приходит к выводу о постепенном уменьшении доли нуждающихся среди вузовской молодежи, объясняя это тем, что неимущие абитуриенты еще на этапе отбора не выдерживали конкуренции с более обеспеченными соучениками, а бедных студентов чаще отчисляли из вузов за невзнос платы за обучение, нарушение академической дисциплины и пр. (Иванов, 1999: 268). Однако, вероятнее всего, указанная тенденция сложилась и в силу того, что заметный рост российской экономики в начале XX в. требовал вовлечения в производство высококвалифицированной рабочей силы, поэтому востребованность студентов технических вузов, особенно в Сибири, где активно развивалось добывающее и обрабатывающее производство, была достаточно велика. И опросные листы студентов ТТИ, довольно легко находивших себе возможности для достойного летнего заработка, служат наглядным тому подтверждением.

Однако для получения объективной картины стоит сравнить данные о доходах студентов с заработной платой лиц, работавших на производстве или в сельском хозяйстве. Исторически

сложившаяся в силу ряда причин низкая цена труда в России (например, номинальная среднемесячная заработная плата в промышленности в 1913 г. В США составляла 112 руб., в Великобритании – 61 руб., в Германии – 57 руб., во Франции – 41 руб., в России – 24,2 руб. (Миронов, 2000b: 389)), определяла и преимущественную бедность основной массы тех, кто жил наемным трудом. Так, по имеющимся статистическим данным, годовой заработок промышленного рабочего в Европейской России в начале XX в. составлял около 200-230 руб., сельскохозяйственного рабочего – 62 руб. (Россия, 1995: 324).

В Сибири заработная плата заводского рабочего в Алтайском округе в конце XIX в. варьировалась от 80 до 200 руб. в год (История Сибири, 1968: 54). При таком уровне дохода положение рабочих было очень тяжелым. Так, по данным В.А. Скубневского, при наличии у рабочих обрабатывающей промышленности Алтая в начале XX в. заработной платы в размере 190–270 руб., их семьям не хватало денег на качественное питание, сносное жилье и одежду, а расходы на культурные нужды, обучение детей, медицинскую помощь были мизерными или вовсе отсутствовали (Скубневский, 1991: 154). Таким образом, очевидно, что по сравнению с рабочим, получавшим за свой труд немногим более 20 руб. в месяц, студент, имевший помощь семьи, пособие или стипендию и подрабатывавший параллельно с учебой, имел зачастую более высокий доход. Период некоторого улучшения материального положения студенческой молодежи оказался непродолжительным. Первая мировая война прервала эту тенденцию к улучшению, впрочем, губительно сказавшись на уровне жизни всего населения Российской империи.

Тем не менее, в общественном сознании сложился устойчивый образ бедного студента, примерно такой, каким его описывал журнал «Сибирский студент»: «80 % студенчества состоит из трудового, демократического элемента общественных слоев и при всем желании не имеет бюджета, совершенно обеспечивающего его на время прохождения курса высших учебных заведений. Бюджет студента не более 15–25 рублей и нередко студент испытывает страшную нужду и доходит до нищеты» (Ломидзе, 1914: 43-44).

При этом весьма спорной представляется позиция Н.Н. Юркиной, находящей в необеспеченности значительной части вузовской молодежи ряд положительных моментов. «Студенческая бедность, как социальное явление, имеет определенную стабильность и психологически оправдана. Минимальный достаток, дававший возможность молодому человеку скромно жить и учиться, позволял пройти путь определенного аскетизма, отказа от тех благ, которые он получал до обучения в вузе и после его окончания. Таким образом, повышалась ценность и значимость науки, тех знаний и профессии, которую получал студент, с одной стороны, и приобретался первый опыт самостоятельной жизни – с другой. Совмещение учебы и работы мобилизовало, приучало к собранности и умению рассчитывать время, скромные средства сдерживали от излишеств, форм досуга, которыми изобиловали крупные города», – утверждает исследователь (Юркина, 2016: 59).

Трудно представить, что материальная необеспеченность студентов действительно имела воспитательное значение. Поэтому 10 % беднейших студентов томских вузов вряд ли могли утешиться тем, что вместе с ними обучалась и очень небольшая часть действительно богатых людей. Постоянное сравнение своего униженного положения с вполне обеспеченным существованием более состоятельных соучеников порождало либо пессимизм и разочарование в жизни, либо стремление связать свое тяжелое материальное положение с необходимостью перемен в обществе. Впрочем, точнее об этом написал в анкете один из томских студентов, мечтавший, по его словам, не тратить времени на заработки и не быть в зависимости от получающих гроши родителей: «За последние 4 года зарабатывал на уроках, на работах межевым, дорожным, поземельным устройством, на чертежных работах около 1800 руб., но эта работа губительно отозвалась на моих собственных занятиях. Не могу заниматься дипломом так, как хотел бы. Все лето уходит на заработки, зимой – 5-6 часов на уроки, а большинство в далекой ходьбе. От сестры получаю 40 руб., но привык жить на собственные средства.... Появляется подавленное настроение, ненужные думы, мешающие работать» (ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 68. Л. 82).

5. Заключение

5.1. Сибирское студенчество начала XX в. было стратифицировано так же, как и все российское общество. В составе студенческой молодежи по уровню достатка выделялись как люди, принадлежащие к высоко- и среднеобеспеченным группам, так и те, кто перешагнули грань нищеты. Первые не нуждались в материальной поддержке, а для привлечения внимания государства и благотворителей к проблемам последних необходим был широкий общественный резонанс, переносимый в дальнейшем на всех членов студенческой корпорации. Следует признать, что сложившийся в российском общественном сознании социальный портрет студента, как и любая сложная обобщенная конструкция, не был ни полностью истинным, ни полностью ложным.

5.2. Материальное положение студентов определялось, прежде всего, уровнем достатка их родителей. Поскольку откровенная бедность была характерным признаком значительной части населения страны, вполне естественно, что затраты на обучение достаточно взрослого человека, который по возрасту уже вполне мог быть работником, для многих семей были просто непосильными.

Совокупные расходы семьи за 5–7 лет обучения одного студента при стоимости обучения 100 руб. в год и необходимости выделения ежемесячно определенной суммы на жилье, питание и прочие расходы составляли в итоге более 2-3 тыс. руб. Лишь относительно небольшое количество обеспеченных родителей могли полностью содержать своих детей весь период обучения. Поэтому большая часть студентов должна была искать дополнительные источники дохода, рассчитывая либо на поддержку со стороны государства и общества, либо на собственный заработок. При этом динамичный рост российской экономики в начале XX в. позволил на некоторое время стабилизировать материально-бытовое положение значительной части студентов, прежде всего, обучавшихся в технических вузах, за счет возросшего спроса на их услуги со стороны работодателей, но позитивный процесс повышения благосостояния студенчества был прерван Первой мировой войной.

Литература

- Андреев, 2000** – Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни начала XIX в. М., 2000. 312 с.
- Бунге, 1872** – Бунге Н.Х. По поводу именной ведомости о студентах университета им. Св. Владимира. Киев, 1872. 112 с.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Гончаров, 2010** – Гончаров Ю.М. Одежда горожанок Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник НВГУ*. 2010. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 10.02.2019).
- Ерман, 1966** – Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. 373 с.
- Жеравина, 2004** – Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281. С. 207–215.
- Иванов, 1999** – Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. 414 с.
- Иванов, 2004** – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
- История Сибири, 1968** – История Сибири. Т. 3. Л., 1968. 532 с.
- Ищенко, 2010** – Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.) Омск, 2010. 499 с.
- Лейкина-Свирская, 1981** – Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. 285 с.
- Ленский, 1914** – Ленский В. К вопросу о репетиторском труде в Томске // *Сибирский студент*. 1914. № 3–4. Стб. 117–120.
- Ломидзе, 1914** – Ломидзе А. Студенческий кооператив // *Сибирский студент*. 1914. № 1. Стб. 35–48.
- Магсумов, 2015** – Магсумов Т.А. Общества вспомоществования нуждающимся ученикам в Поволжье в конце XIX – начале XX в. // *Российская история*. 2015. № 4. С. 63–69.
- Марголис, 1996** – Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России в 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 656–669.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб., 2003. В 2 т. 548 + 583 с.
- На помощь молодежи, 1910** – На помощь молодежи. Сборник статей, писем и заметок о студенческой нужде и самоубийствах учащихся. Киев, 1910. 204 с.
- Некрылов, 2000** – Некрылов С.А. Международные контакты ученых Томского университета в дореволюционный период // *Вестник ТГПУ*. 2000. № 4 (20). С. 67–70.
- Низамова, 2013** – Низамова М.С. Социокультурный облик и повседневность учащихся профессиональных школ дореволюционной Казани // *В мире научных открытий*. 2013. № 11 (47). С. 160–168.
- Олесич, 1982** – Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982. 254 с.
- Россия, 1995** – Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. 548 с.
- Сибирская жизнь, 1914** – Сибирская жизнь. 1914.
- Скубневский, 1991** – Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991. 272 с.
- Соболев, 1902** – Соболев М.Н. Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902. 312 с.
- Соболев Михаил Николаевич** – Соболев Михаил Николаевич // *Электронная энциклопедия ТПУ* [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.tpu.ru/wiki/Соболев_Михаил_Николаевич (дата обращения: 08.02.2019).
- Чепалов, 1914** – Чепалов В.Н. Томский университет в 1913 году // *Сибирский студент*. 1914. № 2. Стб. 75–80.
- Юркина, 2016** – Юркина Н.Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX века // *Преподаватель XXI век*. 2016. № 1. С. 53–61.

References

- Andreev, 2000** – *Andreev A. Yu.* (2000). Moskovskij universitet v obshchestvennoj i kul'turnoj zhizni nachala XIX v. [Moscow University in the social and cultural life of the beginning of the XIX century]. Moscow, 312 p. [in Russian]
- Bunge, 1872** – *Bunge N.Kh.* (1872). Po povodu imennoj vedomosti o studentah universiteta im. Sv. Vladimira [About the personal statements of the students of the University. St. Vladimir]. Kiev, 112 p. [in Russian]
- Chepalov, 1914** – *Chepalov V.N.* (1914). Tomskij universitet v 1913 godu [Tomsk University in 1913]. *Siberian student*, 2: 75-80. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [The State archive of Tomsk region]. Tomsk, Russia.
- Goncharov, 2010** – *Goncharov Yu.M.* (2010). Odezhda gorozhanok Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Clothes of urban dwellers of Siberia in second half XIX – early XX centuries]. *Bulletin NUGU*, 4. [online]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odezhda-gorozhanok-sibiri-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv> (accessed 10 Feb. 2019) [in Russian]
- History of Siberia, 1968** – *Istoriya Sibiri* [History Of Siberia]. Vol. 3. Leningrad, 532 p. [in Russian]
- Ischenko, 2010** – *Ischenko O.V.* (2010). Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' kak faktor obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoj zhizni Sibiri (konec XIX – nachalo XX vv.) [Pupils and students youth as a factor of social movement and cultural life of Siberia (the end of XIX – the beginning of XX centuries)]. Omsk, 499 p. [in Russian]
- Ivanov, 1999** – *Ivanov A.E.* (1999). Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka: social'no-istoricheskaya sud'ba [Students of Russia of the end of the XIX-the beginning of the XX century: social and historical destiny]. Moscow, 414 p. [in Russian]
- Ivanov, 2004** – *Ivanov A.E.* (2004). Studencheskaya korporaciya Rossii konca XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoj i politicheskoy samoorganizacii [Student Corporation of Russia of the XX-the beginning of the XX century: experience of cultural and political self-organization]. Moscow, 408 p. [in Russian]
- Lensky, 1914** – *Lensky V.* (1914). K voprosu o repetitorskom trude v Tomske [On the question of tutoring work in Tomsk]. *Siberian student*, 3-4: 117-120. [in Russian]
- Leykina-Svirskaya, 1981** – *Leykina-Svirskaya V.R.* (1981). Russkaya intelligenciya v 1900–1917 godah [The Russian intelligentsia in 1900-1917]. Moscow, 285 p. [in Russian]
- Lomidze, 1914** – *Lomidze A.* (1914). Studencheskij kooperativ [Students cooperative]. *Siberian student*, 1: 35-48. [in Russian]
- Magsumov, 2015** – *Magsumov T.* (2015). Charity societies for helping needy students in the Volga region, late 19th – early 20th centuries. *Rossiiskaia Istoria*. 4: 63-69.
- Margolis, 1996** – *Margolis J.D.* (1996). Studencheskie perepisi v Rossii v 1872–1912 gg. [Student census in Russia in 1872–1912]. *Medieval and modern Russia. Collection of scientific articles for the 60th anniversary of Professor Igor Froyanov*. St. Petersburg, pp. 656-669. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII-nachalo XX v.) [Social history of Russia during the Empire (XVIII–early XX century)]. St. Petersburg, in 2 vol, 548 + 583 pp. [in Russian]
- Nekrylov, 2000** – *Nekrylov S.A.* (2000). Mezhdunarodnye kontakty uchenyh Tomskogo universiteta v dorevolucionnyj period [International contacts of scientists of Tomsk University in the pre-revolutionary period]. *Bulletin TGPU*, 4(20): 67-70. [in Russian]
- Nizamova, 2013** – *Nizamova M.S.* (2013). Sotsiokul'turnyy oblik i povsednevnyy uchashchikhsya professional'nykh shkol dorevolucionnoy Kazani [Socio-cultural image and daily life of vocational schools students in pre-revolutionary Kazan]. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 11: 160-168. [in Russian]
- Olesich, 1982** – *Olesich N.Ya.* (1982). Lenin i revolyucionnoe studenchestvo Rossii [Lenin and the revolutionary students in Russia]. Moscow, 254 p. [in Russian]
- Russia, 1995** – *Russia*. 1913. (1995). Statistiko-dokumental'nyj spravochnik [Statistical and documentary reference]. St. Petersburg, 548 p. [in Russian]
- Siberian life, 1914** – *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life] (1914). [in Russian]
- Skubnevsky, 1991** – *Skubnevsky V.A.* (1991). Rabochie obrabatyvayushchej promyshlennosti Sibiri [Workers of the manufacturing industry of Siberia]. Tomsk, 272 p. [in Russian]
- Sobolev, 1902** – *Sobolev M.N.* (1902). Ekonomicheskoe polozhenie tomskih studentov [Economic situation of Tomsk students]. Tomsk, 312 p. [in Russian]
- Sobolev Mihail Nikolaevich** – *Sobolev Mihail Nikolaevich*. Elektronnaya ehnciklopediya TPU [Electronic encyclopedia TPU]. [online]. [Electronic resource]. URL: http://wiki.tpu.ru/wiki/Sobolev_Mihail_Nikolaevich (accessed 08 Feb. 2019) [in Russian]
- To help young people, 1910** – Na pomoshch' molodezhi. Sbornik statej, pisem i zametok o studencheskoj nuzhde i samoubijstvah uchashchihhsya (1910) [To help young people. Collection of articles, letters and notes about student need and suicides of students]. Kiev, 204 p. [in Russian]
- Yerman, 1966** – *Erman L.K.* (1966). Intelligenciya v pervoj russkoj revolyucii [Intelligentsia in the Russian revolution of 1905]. Moscow, 373 p. [in Russian]

Yurkina, 2016 – Yurkina N.N. (2016) Material'noe polozhenie uchashchejsya molodezhi Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka [Financial situation of students of the Russian Empire XIX – early XX century]. *Teacher – XXI century*, 1: 53–61. [in Russian]

Zheravina, 2004 – Zheravina A.N. (2004). Povsednevnyaya zhizn' studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX-XX vv. [The everyday life of students of the University of Tomsk at the turn of the XIX–XX centuries]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 281: 207–215. [in Russian]

Материально-бытовое положение сибирских студентов в начале XX в. (по материалам студенческих переписей)

Оксана Владимировна Ищенко ^a, Тимур Альбертович Магсумов ^{b, c, d, *}

^a Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, Сургут, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

Аннотация. На основании данных студенческих переписей, проводимых в томских вузах в 1901–1913 гг., анализируется динамика материально-бытового положения сибирских студентов в начале XX в.

Уровень жизни воспитанников учебных заведений определялся в первую очередь благосостоянием их родителей. При этом фактор сословной принадлежности уже не играл решающего значения ни при определении социального статуса семьи, ни в отношении ее материального благополучия, поэтому дети мещан в Томском технологическом институте зачастую были более обеспечены, чем дети дворян и духовенства в Томском университете.

Изучение материалов студенческих переписей дало возможность определить основные источники пополнения студенческого бюджета, к которым относились поступления средств от семьи, помощь государства и благотворителей, а также личные заработки. В составе расходной части преобладающее место занимали плата за обучение, аренда квартиры и расходы на питание. Критерий установления средней величины студенческого бюджета на уровне 300–350 руб. в год определил разделение томских студентов на группы мало-, средне- и высокообеспеченных, причем грань между первой и второй группами была достаточно условной.

Анализ студенческих анкет позволил выявить положительную динамику материально-бытовой обеспеченности студенчества, особенно заметную в отношении студентов-технологов, чьи знания и умения были в большей степени востребованы работодателями в условиях промышленного освоения сибирского края. Однако достаточно медленное повышение уровня жизни и непродолжительность периода стабилизации материального положения не дали возможности значительной части бедных студентов перейти разряд среднеобеспеченных.

Ключевые слова: история образования, студенчество, Российская империя, Сибирь, студенческие переписи, Томский университет, Томский технологический институт, материально-бытовое положение, студенческий бюджет.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oksana5510@yandex.ru (О.В. Ищенко), nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)